

Проснувшись на следующий день, Ся Хуайянь обнаружил, что уже восемь часов утра.

Прикроватная лампа неизвестно когда погасла.

Шторы на балконе были раздвинуты примерно на метр, и в комнату широким потоком лился свет.

Ся Хуайянь приподнялся, прислонился к изголовью кровати и какое-то время рассеянно хлопал глазами.

Пока он приходил в себя, на балкон с шумом приземлилась птица и принялась выводить трели; вскоре к ней присоединилась вторая, и они зачирикали наперебой.

Цзи Цинье уже не было в комнате.

Ся Хуайянь даже не знал, спал ли тот прошлой ночью рядом с ним.

Он лишь ощущал, как горят губы.

Под утро ему приснился далекий и нежный сон, и теперь туманные обрывки воспоминаний сами собой всплывали в голове: Цзи Цинье целовал его так страшно и сладко, что у него захватывало дух.

Ся Хуайянь густо покраснел и поспешно отогнал от себя эти назойливые видения.

Испугавшись собственных мыслей, он второпях выдавил пасту и принялся чистить зубы. По привычке взглянув на себя в зеркало, он заметил, что на его бледном лице неестественно выделялись ярко-красные губы — казалось, на них без всякой косметики нанесена румяна.

Вспомнив тот сон, Ся Хуайянь не смел больше смотреть в зеркало или думать о случившемся; в панике схватив полотенце, он сполоснул лицо.

В ванной стаканчик для щеток стоял еще ровнее, чем он расставил его после полуночи, выстроившись в одну линию с черным стаканом Цзи Цинье. Из-за схожего дизайна они выглядели на редкость гармонично.

Он коснулся пальцами губ — они слегка опухли и саднили.

В горле стоял тяжелый ком, во рту горчило. Видимо, жар от простуды или пресловутого внутреннего зноя так просто не пройдет.

Кажется, он перегрелся.

Вчера в обед он потерял осторожность и наелся рыбы, совсем забыв, что ему нельзя столько острого.

Спускаясь вниз, он застал тетю Сунь на кухне. Заметив его, она тут же приветливо улыбнулась:

— Проснулся, сынок? А я как раз мини-вонтоны сварила, садись скорее, пока горячие.

Ся Хуайянь попробовал ложку и принялся нахваливать:

— Очень вкусно.

— Главное, чтобы тебе нравилось, — улыбнулась тетя Сунь. — Будешь кушать с аппетитом — я стану почаще готовить, постараюсь делать завтраки более разнообразными. Цзи Цинье по утрам всю эту жидкую пищу не ест, так что впредь буду готовить вам отдельно.

Что значит «впредь» и «отдельно»?

Сначала Ся Хуайянь просто удивился, не уловив подвоха, но на середине трапезы вспомнил ее слова и наконец понял, что именно в них звучало странно.

— [...]

Он не собирался жить здесь постоянно, тетя Сунь наверняка что-то перепутала.

Но, видя, как уверенно она говорит об их с Цзи Цинье отношениях, Ся Хуайянь понял, что любые возражения бесполезны, и лишь вскользь заметил:

— Цзи Цонг действительно очень хороший человек, он мне во многом помог.

Тетя Сунь, разумеется, ему не поверила. Прожив столько лет на свете, она считала себя знатоком людей, и уж такую очевидную вещь не заметить просто не могла:

— Ну полно тебе смущаться, Сяся.

— Вовсе нет, — смутился Ся Хуайянь. — Какой из меня парадный парень для Цзи Цонга, вы бросьте шутить.

— Ой, какой Сяся забавный, — засмеялась тетя Сунь. — Встречаетесь, а продолжаешь

официально величать его Цзи Цонгом. Услышит — расстроится.

Ся Хуайянь вдруг вспомнил, как вчера на лестнице Цзи Цинье обронил странную фразу:

— Линь Фэн — господин Линь, а я всего лишь Цзи Цонг.

Ся Хуайянь всегда считал, что их связывают исключительно деловые отношения.

У Цзи Цинье высокое положение и огромная власть, поэтому называть его Цзи Цонгом вслед за Линь Фэном было бы самым правильным. Но теперь ему показалось: а вдруг тот решил, будто он просто использует его ради помощи семье Ся, и счел его невоспитанным?

Заметив замешательство Ся Хуайянь, тетя Сунь забеспокоилась, решив, что огорчила его своими словами.

Она много лет проработала у Цзи Цинье и, разумеется, во всем его поддерживала.

Она прекрасно видела, что Цзи Цинье равнодушен к Ся Хуайянь — еще никогда он не проявлял к кому-либо такой заботы, — и ей хотелось сказать о хозяине дома побольше добрых слов.

С одной стороны, она была убеждена в их романе, просто чувствуя царившую между ними атмосферу.

С другой стороны, сегодня утром перед уходом Цзи Цинье велел ей передать, что Ся Хуайянь теперь будет жить здесь постоянно, и попросил готовить на двоих три раза в день, не дожидаясь звонка, как раньше. Это окончательно убедило ее в характере их отношений.

Стараясь не допустить холодности между ними из-за неосторожного слова, тетя Сунь поспешно добавила:

— Впрочем, ничего страшного. Любовь требует времени, спешить некуда.

— [...]

На этот раз Ся Хуайянь спорить не стал и лишь тихо улыбнулся.

—

Ся Хуайянь не имел привычки проверять телефон с раннего утра; если не случалось ничего срочного, за целый день он мог к нему даже не притронуться.

Закончив завтрак, он отнес посуду на кухню. Как раз собирался вымыть тарелку, когда из гостиной с пледом в руках спустилась тетя Сунь. Увидев его за раковиной, она бросилась наперерез:

— Оставь, сынок, оставь! Разве гостю подобает возиться с грязной посудой, я сама всё сделаю.

— Нет, тут всего одна тарелка, я могу сполоснуть.

— Ну что ты, отберешь у меня работу, — тетя Сунь с улыбкой шлепнула его по руке. — Иди отдыхай. Если Цзи Цонг узнает, что ты сам занимаешься такой грязной работой, он мне головы не сносят.

Ся Хуайянь не знал, как возразить, его голос становился всё тише, а щеки горели.

Послушавшись предостережения и боясь навлечь на тетю Сунь гнев Цзи Цинье, он больше не настаивал.

Он стоял так близко, что брызги воды из раковины упали на его белую футболку, оставив темные пятна, похожие на распутившиеся лепестки жасмина.

В груди поднималось странное, тяжелое чувство, словно они действительно состояли в романтических отношениях.

Отказываться от помощи было неудобно.

— Всего на пару дней? Ой! — тетя Сунь кивнула с понимающим видом. — Впрочем, верно.

Она сложила тарелки в сушилку, собираясь убрать их в дезинфекционный шкаф, когда те высохнут, и недоуменно обернулась:

— Куда это ты собрался уходить? Разве это не дом Сяся?

Ся Хуайянь растерялся. Ему было трудно объяснить постороннему человеку, почему он здесь очутился, тем более что он и сам толком не понимал.

Не зная, как оправдаться, он пробормотал:

— Я просто пробуду здесь пару дней.

— Ах... нет, вы всё не так поняли.

— Да нет же, мы с Цзи Цонгом не встречаемся, мы...

Видя его сбивчивое бормотание, тетя Сунь приняла его за проявление природной застенчивости и рассмеялась:

— Какой же Сяся милый! Даже в романе продолжаешь величать его по имени-отчеству, Цзи Цонг услышит — расстроится.

Ся Хуайянь, чувствуя себя неудобно, поднялся на второй этаж, достал из бумажного пакета вчерашнее платье и понес его в ванную.

Из кармана выпала визитка Линь Фэна и упала на пол.

Ся Хуайянь поднял ее и, не зная, куда положить, засунул под прозрачный чехол своего смартфона.

А в строке уведомлений по-прежнему висели пропущенные звонки от Фэн Аньшуан, оставшиеся со вчерашнего вечера.

Поскольку дозвониться до него не смогли, парень наверняка волновался, и Ся Хуайянь был вынужден перезвонить, чтобы успокоить друга.

Гудки шли секунд десять, прежде чем на том конце провода раздался развязный мужской голос:

— Янь-янь, ты живой? Два дня трубки не брал, я уж думал в полицию заявлять.

— Живой, просто вчера был занят. Сам знаешь, когда у меня дела, я в телефон не смотрю.

— Знаю, потому и не побежал сразу в полицию. Боялся, что тебя опять кто-то обидел.

— Нет, прости, что заставил волноваться.

Голос Фэн Аньшуана на том конце провода потеплел:

— Брось ты эти извинения.

Ся Хуайянь зашел в ванную с грязными вещами, положил телефон на раковину и включил громкую связь. Не заметив перемены в тоне друга, он поболтал с ним о всяких пустяках, а перед тем как попрощаться, услышал:

— Ты сегодня во сколько освобождаешься от занятий в танцевальной студии? Я как раз буду поблизости, давай не ужинай дома, я отвезу тебя поесть шашлыков.

— С удовольствием, но шашлыки отменяются, — улыбнулся Ся Хуайянь. — У меня жуткий жар, с утра губы опухли.

— Ничего себе. Ладно, захвачу тебе по дороге лекарство, у меня еще осталось с тех пор, как мама покупала.

Они проговорили еще какое-то время, решив обсудить остальное при встрече.

В обед Цзи Цинье не вернулся. Тетя Сунь приготовила несколько блюд по вкусу Ся Хуайянь.

Тот был непривередлив и нахваливал любую еду, чем привел женщину в полный восторг.

Уходя, тетя Сунь вручила ему зонт с белыми подсолнухами на куполе — очень красивый.

Днем солнце палило нещадно, и бледное лицо Ся Хуайянь казалось почти прозрачным, сквозь кожу проступали голубоватые жилки. Его белая футболка слегка промокла от пота, а порывы горячего ветра придавали щекам неестественный румянец.

Ся Хуайянь подрабатывал ассистентом в художественном центре, помогая основному преподавателю ставить детям пластику.

У него была прекрасная осанка, и он сам служил живым примером для учеников. К тому же он обладал мягким нравом и приятной внешностью, за что детишки его просто обожали.

Преподаватель то и дело повторял, что благодаря ему воспитанники стали заниматься гораздо усерднее.

Ся Хуайянь лишь смущенно улыбался в ответ и отнекивался.

Конечно, он понимал, что это просто вежливые слова, и не принимал их близко к сердцу — в конце концов, он здесь не профессиональный педагог.

Занятия танцами закончились в четыре часа, и Фэн Аньшуан уже поджидал его у входа.

Увидев выходящего друга, он протянул ему бутылку воды:

— Устал, учитель Ся?

— Спасибо. — Ся Хуайянь, расслышав шутку, с улыбкой покосился на него. — Перестань, до настоящего преподавателя мне далеко.

— Это почему же далеко? — Фэн Аньшуан приподнял бровь. — По-моему, ты профессиональнее любого штатного педагога. Зачет по физкультуре в этом семестре целиком на тебе, учитель Ся.

Ся Хуайянь рассмеялся, и навалившаяся за последние два дня тяжесть немного отступила.

— Я принес лекарство, оно в рюкзаке. Поедим — отдам, когда пойдешь домой.

— Спасибо.

— Ты говоришь, губы опухли от жара? — Фэн Аньшуан наклонился к нему и придирчиво осмотрел его лицо. — Дай-ка взглянуть.

Ся Хуайянь не любил, когда к нему так близко приближаются. Заметив, что выражение лица Фэн Аньшуана неумовимо изменилось, он тут же отступил на шаг:

— Пустяки, к обеду уже стало лучше.

Фэн Аньшуан выглядел рассеянным; рассеянно кивнув, он буркнул:

— Ладно, пошли перекусим.

После ужина, около шести часов, Фэн Аньшуан потащил его на прогулку по пешеходной улице и купил ему несколько сувениров.

Семья Фэн Аньшуана жила неплохо, и во время их совместных вылазок Ся Хуайянь то и дело перепали мелкие подарки.

Пусть они стоили недорого, но принимать их постоянно было неловко. На прощанье Ся Хуайянь пообещал в следующий раз угостить его обедом и попросил больше ничего не покупать, после чего у него отлегло от сердца.

Они расстались около семи вечера. Уже стемнело. Прижимая к груди пакет с лекарствами и пристроив на голове новую кепку, подаренную другом, Ся Хуайянь на автобусе вернулся к жилому комплексу Юаньшэн, где останавливался Цзи Цинье. Однако у ворот его преградил охранник.

У Ся Хуайянь не было ни номера Цзи Цинье, ни телефона тети Сунь. Возвращаться в дом семьи Ся он не мог: во-первых, не получил разрешения от Цзи Цинье, а во-вторых, еще не был готов к

встрече с Ся Сичэном.

Хотя ему безумно хотелось увидеть маму, страх перед членами семьи Ся прочно засел у него в костях.

Потоптавшись на месте в нерешительности, он вспомнил, что у него есть визитка Линь Фэна — хотя раньше он надеялся, что тревожить его не придется.

С замиранием сердца Ся Хуайянь набрал номер Линь Фэна.

Трубку сняли почти мгновенно, и деловитый голос произнес:

— Слушаю вас.

— Господин Линь, — Ся Хуайянь нервно моргнул. — Это я.

— Господин Ся? Что-то случилось?

— Я выходил днем, а теперь застрял у ворот жилого комплекса.

Ся Хуайянь не успел договорить, но Линь Фэн уже всё понял:

— Ждите на месте, я сейчас подойду.

На противоположной стороне дороги плотным потоком шла вереница машин. Ночные огни придавали суетливому и холодному Юньчэну особое очарование.

Ся Хуайянь стоял у ворот, полагая, что Линь Фэн появится не раньше чем через полчаса. Однако прошло всего пять минут, как из калитки вышел вовсе не помощник, а сам Цзи Цинье.

Мужчина по-прежнему был в безупречном деловом костюме, идеально скроенные брюки строго облегли его прямые ноги.

Его резкие, мужественные черты лица казались отстраненными и холодными.

Обменявшись с охранником парой фраз, он велел пропустить гостя.

Ся Хуайянь с любопытством спросил:

— Цзи Цонг, зачем вы сами вышли?

Мужчина бросил на него короткий взгляд — точнее, на его кепку и пакет в руках, — молча перехватил у него ношу и зашагал обратно вглубь территории:

— Расстроился, что пришел не Линь Фэн?

— Нет же. — Ся Хуайянь чувствовал, что тот сердится, но понятия не имел почему, и поспешил следом.

В лифте мужчина наконец нарушил молчание:

— Где пропадал? Почему так поздно?

Услышав, что тот готов с ним разговаривать, Ся Хуайянь послушно доложил:

— Днем я подрабатывал, ездил на работу, а потом ужинал с другом.

— Денег нет, а на всякую ерунду тратишься.

Ся Хуайянь опешил. Сообразив, что речь идет о кепке, он принялся оправдываться:

— Это друг купил мне в подарок. Я просил больше ничего не брать, это слишком дорого.

Цзи Цинье ничего не ответил. Стоявший рядом Ся Хуайянь в зеркальном отражении лифта заметил, как лицо мужчины помрачнело еще сильнее.

В кабине воцарилось тягостное молчание, и у Ся Хуайянь тоже испортилось настроение.

Хотя он интуитивно улавливал перемены в чужом эмоциональном состоянии, прочесть чужие мысли он не умел.

Выйдя из лифта и войдя в прихожую, Ся Хуайянь стал разуваться и нерешительно спросил:

— Вы на меня сердитесь? Из-за чего?

Цзи Цинье хранил молчание.

Не дождавшись ответа и вспомнив утренний разговор с тети Сунь, Ся Хуайянь жалобно

протянул:

— Цзи Цинъе, не сердитесь на меня, пожалуйста.

Шаги Цзи Цинъе, шедшего впереди без остановок, внезапно замедлились:

— Что?

— Цзи Цинъе...

— Ладно, — Цзи Цинъе перебил его, прикрыв рот кулаком. — На этом закончим.

Он слегка кашлянул, и в его низком, прохладном голосе слышались веселые нотки:

— Я не сержусь.

<http://bllate.org/book/22055/2293388>